

“херувимчика не нужно”

о книге Ольги Егошиной «Актерские тетради Иннокентия Смоктуновского»

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

Биографический жанр в литературе, одно время совсем захиревший и пришедший в упадок, в последние годы снова воспрял к жизни. Написанные по единому лекалу книжки о «жизни замечательных людей» заполняют в магазинах целые полки и, к большому удовольствию издательств, расходятся быстро, словно пирожки. Выпущенная в ОГИ монография Ольги Егошиной «Актерские тетради Иннокентия Смоктуновского» выпадает из общего ряда. В ней не встретить ни беллетристических красот, ни придуманных романтических подробностей. Но попытка добросовестного вчитывания в черновые записи Смоктуновского подчас может оказаться интереснее любой беллетристики.

В жизни Иннокентия Михайловича было до обидного мало театральных ролей — такие вещи особенно бросаются в глаза, когда коротенький список его сценических персонажей печатают рядом с внушительной фильмографией. Но в отличие от киноработ каждый из спектаклей оставил после себя подробные записи

Смоктуновского, сделанные на полях листов с текстами ролей. Собственно говоря, это и есть тот самый сор, из которого, не ведая стыда, растут сами знаете что. «Сор» был подобран автором книги в рукописном отделе Бахрушинского музея где никем не потревоженный пролежал с конца 1980-х.

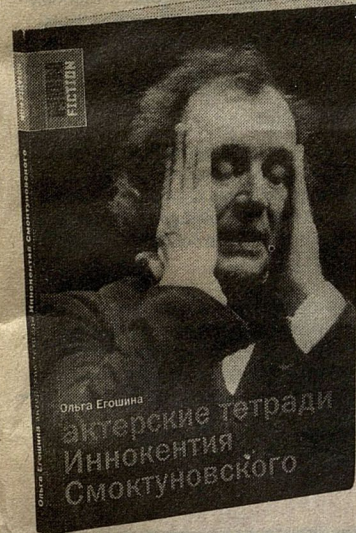
Идя прямо по отрывочным записям, Егошина пытается проследить, как в человеке по фамилии Смоктуновский прорастали совсем иные люди — князь Мышкин, Иудушка Головлев или Николай Алексеевич Иванов. Прежде чем приступить к чтению, всегда забавно перелистнуть книгу, особо не всматриваясь в чернеющие буковки, а лишь обращая внимание на визуальный образ страниц. Если такую штуку проделать с «Актерскими тетрадями», покажется, что книжка испещрена стихами. Но, сфокусировав взгляд, быстро понимаешь, что никакие это не стихи, а тот самый «сор». Короткие неполные фразы не знают рифмы и служат лишь опорными точками для актера.

Вот, к примеру, про встречу Мышкина с Настасьей Филипповной в легендарном спектакле Товстоногова:

*«Ясность — успокоенность полная — я не обманул.
Знакомство — мир вокруг ушел.
Фантазмагория какая-то.
Вы даже представить себе не можете!»*

А на обложке с ролью Мышкина еще пара пометок, задающих направление: *«Не впадать в благоистность», «Херувимчика не нужно».*

В актерских тетрадях Смоктуновского напроць отсутствует какая-либо конкретика. Для контраста Егошина цитирует ремарки Мейерхольда, которые всегда носят сугубо служебный характер. Вот, например, мейерхольдовский Принц Арагонский в «Венецианском купце»: «Входит, бросает влюбленный взгляд на Порцию... Венчает орден... Меч перед собой. Меч вверх. Пафос». По количеству энергичных глаголов Смоктуновскому далеко до Мейерхольда — он все время пытается схватить не частное, а общее, записывает не траекторию своего движения, а скорее фиксирует процесс напряженного «думания» о том человеке, с которым ему предстоит слиться. Точнее всего характеризует эту актерскую особенность пометка, сделанная в тексте с ролью Федора Иоанновича: «Я играю не ноты, но философию».

О.В. Егошина. Актерские тетради Иннокентия Смоктуновского. — М.: ОГИ, 2004. — 192 с.